

Дмитрий Калугин

Елена Вишленкова, Руфия Галиуллина и Кира Ильина. Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 650 с. ISBN 978-5-8679-3945-8.

Дмитрий Калугин. Адрес для переписки: факультет сравнительных политических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы (СЗИУ РАНХиГС), ул. Черняховского, 6/10, Санкт-Петербург, 191119, Россия. m.kalugin@gmail.com.

За последние два десятилетия появилось большое количество книг и статей, посвященных как русским университетам, так и университетскому образованию в целом. Внушительная библиография исследований – социологических, исторических, антропологических, педагогических – приводится в конце вступления к рецензируемой книге. Такое повышенное внимание к академическим проблемам связано, в первую очередь, с кризисом отечественных образовательных институций, вызванным распадом Советского Союза, а в более широкой перспективе – кризисом самой концепции традиционного университетского образования. В нынешней российской ситуации он заявляет о себе в виде рецидива застарелых болезней, связанных с убеждением, что при помощи усиления бюрократического регулирования можно добиться улучшения качества преподавания и лучшего усвоения знаний. Так что можно только поприветствовать появление нового исследования, посвященного становлению русской академической культуры, а именно русскому профессорству первой половины XIX века. Не менее интересна и часть, куда вошли никогда ранее не публиковавшиеся ведомственно-факультетские документы и официальная переписка профессоров Казанского и Харьковского университетов, дополняющая аналитическую картину, созданную авторами.

Главный сюжет книги намечен названием, вернее подзаголовком, поскольку возникновение корпоративности и солидарности ученого сословия в первую очередь связано с автономизацией университетов. При этом устанавливаются принципиальные хронологические ограничения: речь идет о первой половине XIX века, вплоть до начала новой эпохи в истории русских университетов, вызванной либерализацией общественной жизни после смерти Николая I. Иначе говоря, первый период адаптации европейской «университетской идеи» к русским условиям, охватывающий весь XVIII век, а также университет пореформенной эпохи XIX века, где действительно с полным основанием можно говорить о «корпоративности» и «солидарности», остаются за пределами книги. Так что с точки зрения фундаментальной исследовательской перспективы, перед нами по сути дела только часть истории, где исследуются ранние этапы формирования автономного статуса профессора вплоть до возникновения «университетского вопроса», выросшего из конфронтации учебных заведений и власти.

Аналитическая часть исследования состоит из трех разделов, написанных Еленой Вишленковой, Руфией Галиуллиной и Киной Ильиной – исследователями из Высшей школы экономики, специализирующимися на истории и социологии образования. Каждый раздел посвящен отдельной проблеме. В первом рассматривается реформирование системы государственного образования и университетов в начале Александровского царствования («Административные тяготы профессоров»), второй раздел посвящен собственно университетской жизни, сложным взаимодействиям университетских наставников со своими подопечными («Воспроизводство себе подобных»), а третий – университетской науке и превращению русского профессора в общественно значимую фигуру («Этосы профессорского служения»). Если в общих чертах наметить концептуальную схему книги, то основным моментом здесь будет конфликт между просвещенческим устремлением российской власти и непреодолимым желанием администрировать, управлять происходящим процессом, шаг за шагом нейтрализуя первоначальный реформаторский импульс. И в той мере, в какой автономия, «дарованная университетам» в первое десятилетие XIX века, предполагала, пусть и декларативно, минимальную самостоятельность, позволявшую им развиваться, исходя из внутренних потребностей и образовательных идеалов, в дальнейшем все усилия Министерства просвещения и правительства были направлены на то, чтобы лишить учебные заведения всякой самостоятельности вообще, а профессоров превратить в вышколенных чиновников. В этом случае очевидно, что корпоративность академических элит формировалась в первую очередь по образцу элит чиновничьих, порождая специфические и порой достаточно неприглядные формы. Академические свободы оказались иллюзорными, а сами профессора из «покровителей и рассадников» просвещения превратились в обычных «контролеров» (с. 45).

Главный ход книги, ее основное намерение состоит в том, чтобы представить русскую профессуру *в отношении к власти и с точки зрения власти*. И если и говорить здесь об идентичности профессиональной группы, то она имеет в первую очередь негативный характер, поскольку основные качества приобретаются здесь за счет постепенного сокращения возможности самостоятельно управлять процессом, перенимая способы чиновничьего администрирования. Авторы находят достаточно красноречивые образы, чтобы описать, как именно проходил процесс «закрепощения» академического сословия, а за профессорами закреплялись по сути полицейские функции (контролирование, наказание, нормирование, ранжирование студентов). В методологическом плане здесь можно говорить о сильном влиянии фукианского подхода, что всегда выглядит достаточно эффективно (например, подглавки второй части «Воспроизводство себе подобных» называются «Забота о здоровых телах», «Ранжирование студентов», «Управление взглядом» и т.д.), но дает предсказуемые результаты. В последней части «Этосы профессорского служения» картина приобретает иной характер, поскольку здесь речь идет в основном о непосредственном сотрудничестве университетских профессоров с властью. Здесь авторам приходит на помощь колониальная теория, при помощи которой описывается цивилизаторская и исследовательская миссия русского ученого, описывающего землю, народы, языки, нравы, составляющего статистические

таблицы для государственных нужд и самоотверженно борющегося с эпидемией холеры в 1830–1831 годах. Это редкий пример востребованности, когда профессора смогли в полной мере доказать чиновникам необходимость своих знаний, помочь родной земле и делу просвещения, «соотнести свои научные интересы с потребностями власти» и «прописать политическую актуальность своего исследования» (с. 175).

Таким образом, мы видим последовательную трансформацию модели Гумбольдского университета и ее адаптацию к российским условиям, что выражается в выветривании из нее духа свободного научного творчества профессоров и студентов, где единственной легитимацией существования университета оказывается сотрудничество с государством, а также демонстрация лояльности. Как следует из статей аналитической части, профессора, как-то не особенно сопротивляясь, уступают свою автономию и становятся по сути дела чиновниками от образования. Вывод этот, как представляется, достаточно слаб, особенно если учесть, что обещано было (как написано прямо на обложке) «рассмотреть профессорское сообщество как саморегулирующийся механизм». Вместо этого авторы разводят руками и признаются, что «ученого сословия» с сословным сознанием, коллективными интересами и согласованными действиями в России не сложилось» (с. 61). Проблематика исследовательской части вообще выглядит гораздо более локальной, чем это было заявлено в начале и чем это следует из названия. При этом возникает существенный вопрос, на который книга не дает никакого, даже гипотетического ответа: в какой мере этим формирующим воздействием властных инстанций исчерпывается сущность «русского профессора», а навязанные ему официальные дискурсы соответствуют его собственному мироощущению? Насколько верноподданные инвективы русских профессоров можно отождествить с их собственным голосом? Авторы бегло, в скобках, говорят о «личной трагедии» людей, усомнившихся в своем призвании и востребованности (с. 180), о страхе перед «тиранией большинства», побуждавшей их «смириться с бюрократическим наступлением на университет» (с. 61), но все это остается лишь побочным сюжетом. Хотя даже из приведенной цитаты следует, что кроме «сдавшегося» большинства есть (или, по крайней мере, заявляло о себе) какое-то меньшинство, изначально несогласное с тем, что происходит. Может быть, где-то здесь и следовало бы искать ростки корпоративности и саморегулируемости?

Следует также подчеркнуть еще один принципиальный момент: власть никогда не является монолитной. Будучи приложенной к «послушным телам», она оставляет зазоры, которые, в конечном счете, оказываются не менее значимыми для корпоративной культуры, чем заявления о лояльности и готовности к сотрудничеству, часто в ущерб репутации и научным интересам. Субъективность, групповая идентичность формируются также через сопротивление давлению и социальному проектированию, идущему сверху. И с этой точки зрения русская профессура, предстает перед нами неоднородной, имеющей в своем распоряжении различные стратегии отношения к власти: одна часть ее, таким образом, оказывается ближе к университетской администрации, другая – к студенчеству. Очевидно, что эти различия существовали на протяжении всего XIX и даже XX века, только, чтобы

уловить их, необходим другой взгляд на проблему. Следует выявить разрывы в этой кажущейся цельной истории, определить принципы, по которым происходила сегрегация группы, исследовать, как складывались отношения внутри нее, ввести новые документы, личные дневники, письма, которые могли бы помочь реконструировать самоощущение и самопрезентацию русских профессоров. Это создало бы гораздо более объемную картину, нежели та, которую дают проанализированные авторами официальные источники.